

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

Яхонтов А.

**СОЧИНЕНИЕ
БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА
«DE VISITATIONE
INFIRNORUM»
И ЕГО РЕЧЬ
«DE PASTORIBUS»**

Труды Киевской духовной академии, 1895, № 10,
с. 277-308

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

СОЧИНЕНІЕ БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА

„De visitatione infirmorum“ и его рѣчь „De pastoribus“.

(Очеркъ по наукѣ „Пастырское Богословіе“).

I.

Общія, вступительныя къ изслѣдованію свѣдѣнія о названныхъ сочиненіяхъ.

Сочиненіе „De visitatione infirmorum“: его авторъ, единственная дата для сужденія о немъ; лицо, къ которому написано сочиненіе „De visit. infirm.“; первоначальный характеръ послѣдняго—„*epistola*“, исторія сочиненія „De visit. infirm.“, его внутреннее содержаніе и виѣшній строй.—Сочиненіе „De pastoribus“: авторъ, двоякій поводъ написанія; исторія и виѣшній строй сочиненія.—Время написанія обѣихъ сочиненій.—Внутренняя связь между ними.

Въ полныхъ собраніяхъ сочиненій блаженнаго Августина объ его сочиненіи „De visitatione infirmorum“ послѣ такого надписанія сдѣлана замѣтка: „*incerti auctoris*“, представляющая изслѣдователю по этому вопросу большее, можно сказать, поле для изысканій. Но единственное, что только можно сказать въ этомъ отношеніи на основаніи самаго изслѣдуемаго сочиненія, это—то, что авторомъ его было то же самое лицо, которымъ написано и сочиненіе „De pastoribus“. Въ пользу этого говоритъ та единственная дата, которая получается только изъ сопоставленія „De visitatione infirmorum“ съ „De pastoribus“. Въ первомъ, гдѣ въ послѣднихъ главахъ трактуется о священникахъ, употреблено одно выраже-

ніе, буквально сходное съ выраженіями, встрѣчающимися въ сочиненіи „De pastoribus“. Выраженіе это—слѣдующее: „Alius commodis praesentibus, quae sua sunt, non quae Iesu Christi exquirens“. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что такой доводъ за тождественность авторовъ обѣихъ сочиненій не имѣетъ значенія категорическаго; однако, за отсутствіемъ другихъ, болѣе вѣскихъ, приходится волей-неволей ограничиться и этимъ единственнымъ доводомъ.

Итакъ, если лице, написавшее оба эти сочиненія, одно и то же; авторъ же сочиненія „De pastoribus“, несомнѣнно,—блаженный Августинъ,—по крайней мѣрѣ, въ собраніи его сочиненій не высказывается въ данномъ случаѣ никакого сомнѣнія,—то основательно будетъ заключить, что и авторомъ сочиненія „De visitatione infirmorum“ былъ тотъ же блаженный Августинъ.

Лице, къ которому блаженный Августинъ писалъ свое „De visitatione infirmorum“, доводилось ему внукомъ. Это видно изъ многихъ мѣстъ самаго сочиненія (для примѣра см. lib. 1, cap. 1).

Съ нимъ блаженный отецъ находился въ довольно частой перепискѣ; адресованныя къ нему письма были большею частію письма назидательныя, „увѣщательныя“ (confer. *ibid.* lib. II, cap. VI), утѣшеніе предлагалось въ нихъ въ примѣрахъ (*ibid.* lib. 1, cap. VI). Между этими письмами „Sermo de visitatione infirmorum“ занимало послѣднее, по времени, мѣсто (*ibid.* lib. 1, cap. VI), было „послѣднимъ письмомъ“, (*ibid.* lib. I, cap. VI), „заключительнымъ увѣщаніемъ“ (*ibid.* lib. II, cap. VI). Слѣдовательно, въ своемъ первоначальномъ видѣ „Sermo“ de visitatione infirmorum было далеко не „Sermo“ и не „tractatus“, какъ называетъ его послѣ, въ одномъ мѣстѣ самаго же сочиненія, самъ блаж. Августинъ (*ibid.* lib. II, cap. VI), а—простое, обыкновенное письмо,—„epistola“ (*ibid.* lib. 1, cap. VI). Характеръ трактата оно получило уже со временемъ, послѣ тщательной обработки, какъ свидѣтель-

ствуешь объ этомъ самъ блаженный Августинъ (lib. II, cap. VI). Оно было написано ясно, просто, обще, безъ предварительнаго какого-либо обдумыванія или разсужденія (lib. II, cap. I),—вообще, такъ, какъ всѣ пишутъ обыкновенныя свои письма своимъ родственникамъ, или хорошимъ знакомымъ. По собственному сознанію автора, оно не было „украшено риторическимъ высокоуміемъ и гордостью“ (lib. II, cap. VI). т. е. какими-либо риторическими оборотами и приемами, которые считаются необходимыми во мнѣніяхъ и изслѣдованіяхъ ученыхъ (confer. lib. II, cap. VI), такъ что въ этомъ отношеніи, говоритъ авторъ, „наши слова могутъ показаться мало важными (vilis) и неубѣдительными доказательствами“ (lib. II, cap. VI). Все значеніе этого письма заключалось во внутренней силѣ доказательствъ, основанныхъ на непосредственномъ опытѣ самого блаженнаго отца (confer. lib. I, cap. VI). „Трактатъ этотъ“, пишетъ блаженный Августинъ, написанъ „на основаніи того, что мы почерпнули изъ самихъ себя, какъ болѣе опытныхъ“ (ibid.).

Исторія сочиненія „De visitatione infirmorum“ можетъ быть представлена въ такихъ чертахъ.

Получивъ извѣстіе о тяжелой болѣзни своего „любезнѣйшаго внука“, лежавшаго даже при смерти (lib. I, cap. VI), и желая сказать ему послѣднее „прощай“ (lib. II, cap. 1), блаженный Августинъ рѣшился посѣтить его и лично сказать ему свое напутственное въ вѣчную жизнь слово. Но послѣдняго своего желанія блаженный Августинъ не могъ выполнить, такъ какъ „невыносимѣйшая внутренняя скорбь сердца совершенно парализовала не только пріятность, но даже и возможность разговора“ (lib. II, cap. VI, confer. lib. I, cap. 1). „Тронутой внутреннею скорбію“, замѣчаетъ объ этомъ блаженный отецъ, „я, не безъ малой влажности глазъ, едва на нѣкоторое слово раскрылъ всхлипывающія уста, почему и не могъ произнести ни достойнаго себя, ни достойнаго его“ (lib. I, cap. 1). Между тѣмъ какое-либо слово, какое-либо назив-

даніе въ данномъ случаѣ было „въ высшей степени необходимо“ (lib. II, cap. VI). Поэтому блаженный Августинъ пишетъ „epistolam“¹⁾ къ своему умирающему внуку, имѣя, впрочемъ, въ виду уже не его одного, но и многихъ другихъ, что видно изъ слѣдующихъ словъ: „если тебѣ (т. е. внуку) это заключительное увѣщаніе не принесетъ пользы, потому что ты знаешь все это; то оно будетъ полезно кому-либо менѣе знающему, и для меня, желавшаго предостеречь тебя, равно будетъ имѣть значеніе, потому-что я и въ этомъ случаѣ буду считать себя удовлетвореннымъ (lib. II, cap. VI), И дѣйствительно, письмо имѣло не одного, а цѣлый кругъ читателей. Многіе внимательно, съ восторгомъ читали его, перечитывали, отзывались о немъ съ похвалами, какъ о такомъ письмѣ, отъ котораго они получили большое удовольствіе и даже признавали его *необходимымъ* для утѣшенія вообще всѣхъ, удаляющихся изъ міра (lib. II, cap. 1); они же, читатели, наконецъ, не смотря на незначительный объемъ этого письма—„хотя свертокъ былъ и небольшой“ (ibid.),—назвали его „*visitationem infirmorum*“ (ibid.), отъ каковаго названія заимствовано и теперешнее надписаніе сочиненія: sermo „*de visitatione infirmorum*“. Польщенный такимъ успѣхомъ своего письма—съ одной стороны, а съ другой—побуждаемый тѣмъ обстоятельствомъ, какъ замѣчаетъ блаж. отецъ, что „тогда приходили къ нему (люди) съ желаніемъ болѣе обильныхъ наставленій своимъ душамъ“, при чемъ „нѣкоторые по простотѣ, нѣкоторые же съ намѣреніемъ такъ говорили“ (lib. II, cap. VI),—блаженный Августинъ намѣревается писать продолженіе своего перваго письма. Правда, сознаніе того, что все то, что онъ намѣревался сказать, было уже сказано людьми болѣе учеными, чѣмъ онъ,—сознаніе, что онъ самъ менѣе ихъ „спо-

¹⁾ Эта „epistola“, по нашему мнѣнію, составляетъ всю первую книгу те перешняго сочиненія „De visit. infirm.“, за исключеніемъ историческаго элемента, который, думаемъ, написалъ блаж. Августинъ въ послѣд.

собень“ и вообще—по своимъ т. е. дарованіямъ, и въ частности—въ дѣлѣ доказательства какой-либо нравственной истины,—сознаніе всего этого много парализовало его благое намѣреніе; однако ясное представленіе, что, вѣдь, и ученые иногда говорятъ то, въ чемъ никто не сомнѣвается (lib. II, cap. VI), и просьба многихъ помочь ихъ нравственному совершенствованію (ibid.) окончательно заставляютъ блаженнаго Августина продолжить свое письмо. И вотъ онъ рѣшается писать продолженіе. Для этого уклоняется въ уединенное мѣсто, просматриваетъ тамъ прежде написанное, дѣлаетъ ему свою оцѣнку и, наконецъ, заканчиваетъ то, что, „диктовалъ предварительно“ („безъ обдумыванія, безъ разсужденія“ (lib. II, cap. 1). Замѣтивъ, что первое его письмо обратило на себя вниманіе читателей простотой рѣчи, блаженный Августинъ съ такой же простотой и ясностью написалъ и второй свой трактатъ—вторую книгу „De visitatione infirmorum“—и оставилъ за нимъ то же самое названіе, которое дано было читателями первому трактату (lib. II, cap. 1).

По внутреннему своему содержанію второй трактатъ преимущественно дополняетъ первый въ томъ, что тамъ было опущено ради краткости, необходимой по случаю близкой смерти больнаго внука. Блаженный Августинъ самъ объ этомъ пишетъ такъ: „то, что ради краткости я опустилъ, равно какъ и то, что мною послѣ изслѣдовано о томъ же дѣлѣ, я ввѣрялъ послѣдующему труду“ (lib. II, cap. 1).

Внѣшній строй всего разбираемаго сочиненія таковъ: все оно состоитъ изъ двухъ книгъ, въ свою очередь распадающихся на отдѣльныя главы.

Мы уже имѣли случай выдать за несомнѣнное, что авторомъ сочиненія „De pastoribus“ былъ блаженный Августинъ. Это свое сочиненіе онъ написалъ „contra Donatistas“. Такъ объ этомъ замѣчено въ собраніяхъ сочиненій блаженнаго учителя, такъ это явствуетъ изъ самаго содержанія sermonis de pastoribus. Кромѣ многочисленныхъ ссылокъ и указаній на донатистовъ (De

pastoribus, confer. 13. 15. 17, 18. 28. 29. 32. 33. 37. 39. 41), противъ нихъ направлено и все внутреннее содержаніе рѣчи, въ особенности послѣднія главы, гдѣ блаженный учитель разбираетъ и опровергаетъ раскольническія положенія о церкви, о мѣстѣ, изъ котораго пришелъ Христосъ, и др.

Ближайшимъ поводомъ къ написанію рѣчи „De pastoribus“ послужило слѣдующее обстоятельство, о которомъ блаженный Августинъ рассказываетъ, конечно, съ извѣстными и необходимыми проповѣдническими добавленіями, въ такихъ словахъ. „*Нѣкоторые изъ нашихъ братьевъ пришли вчера въ изъ (т. е. раскольническій) храмъ, хотя къ дурнымъ братьямъ, однако къ братьямъ. Слушайте, братіе мои, какая разница между увѣренностью истины и страхомъ лжи. Почему вы радуетесь, когда кого-либо изъ нихъ признаете въ этомъ народѣ? Потому, что между вами есть тотъ, который ищетъ, что онъ погубилъ. Иногда онъ присоединяется къ вамъ; послушаетъ и уйдетъ. А вы (говорите):—пусть слушаетъ и уходитъ. Послушаетъ и насмѣется?—Пусть слушаетъ и смѣется. Когда-нибудь будетъ умень, когда-нибудь узнаетъ; иногда онъ останавливается народомъ своимъ, пребываетъ съ сердцемъ своимъ, отказывается отъ ошибки своей, благодаритъ Бога своего.—А тѣ что? „Кто вы?“—„Христіане!“—Нѣтъ, но шпіоны!—И эти: „православные мы“!—*Пытались оскорбить... и даже приступили къ оскорбительному. Однако, кого прогнали?—Христіанъ, вѣрующихъ, православныхъ. Кого удержали—не хочу говорить. Кого прогнали—вижу; кого удержали—сами пусть скажутъ*“ (De pastoribus, cap. XIII, s. 31). Кромѣ этого частнаго, ближайшаго предмета—донатистовъ, рѣчь De pastoribus имѣетъ своимъ предметомъ и *всѣхъ вообще пастырей*, которые не радятъ о своихъ обязанностяхъ. Такъ какъ есть пастыри, которые желаютъ радоваться имени пастырей, исполнять же пастырскихъ обязанностей не желаютъ“ (ibid. cap. 1, s. 1), то, пишетъ блаженный учитель, „къ нимъ направляется рѣчь“ (cap. 1 s. 2).*

Объ исторіи сочиненія *De pastoribus* изъ него самого нельзя получить никакихъ свѣдѣній.

По своему строю это сочиненіе есть бесѣда на слова пророка Іезекіиля XXXIV, 2. 3 etc.. Раздѣляется на главы и стихи.

Оба разсматриваемыя сочиненія находятся между собою въ довольно тѣсной, внутренней связи. Сочиненіе „*De visitatione infirmorum*“ можно назвать введеніемъ къ сочиненію „*De pastoribus*“, именно по слѣдующей причинѣ: въ первомъ излагается одинъ изъ главныхъ видовъ дѣятельности пастыря, касающійся его заботъ о душахъ, ввѣренныхъ его попеченію, и сообщаются нѣкоторыя общія понятія о самомъ пастырѣ, во второмъ сочиненіи эти послѣднія на примѣрахъ добрыхъ и злыхъ пастырей раскрываются съ надлежащей ясностію и съ достаточной полнотою.

Время написанія разбираемыхъ сочиненій не только точно, но даже и гадательно возстановить нельзя, за отсутствіемъ данныхъ на это.

II.

Пастырь церкви по разбираемымъ сочиненіямъ блаженнаго Августина.

Что такое пастырь церкви?—Современное понятіе о немъ. Обще-церковное ученіе о пастырѣ: Богъ—истинный Пастырь, священникъ—Его служитель. Выясненіе понятія о пастырѣ—священникѣ на основаніи свидѣтельствъ Апостола Павла и исторіи дѣяній апостольскихъ. Слова преосв. Никанора о пастырѣ.—Взглядъ блаженнаго Августина на пастыря: истинный Пастырь—Богъ; священникъ—Его викарій, воспріемникъ человѣческой совѣсти, властелинъ и судья язь человѣческихъ, посредникъ между Богомъ и человѣкомъ, ангелъ Божій, стражъ дома Израилева: священникъ—человѣкъ, какъ и всѣ другіе. Избраніе во священника совершается по благодати Божіей, а не по заслугамъ человека Священникъ—„образъ вѣрнымъ“ а) словомъ и б) жизнью. Характеристика злого пастыря. Идеаль истиннаго пастыря. Переходъ къ третьей главѣ.

Что такое пастырь Церкви?—Современное рѣшеніе этого вопроса таково. „Теперь хотятъ, чтобы скудный разумомъ,

съ недостаточнымъ образованіемъ и обнаженный отъ высшихъ даровъ Духа Святаго, бѣдный русскій священникъ былъ въ одно и то же время и миссіонеромъ, и катихизаторомъ, и пастыремъ, и строителемъ тайнъ, и попечителемъ сирыхъ и убогихъ и еще Богъ знаетъ чѣмъ, что съ такимъ обиліемъ и такъ часто предъявляется къ нему со всѣхъ сторонъ. Всѣмъ ли даны отъ Бога одни и тѣ же дары? Всѣ-ли апостолы? Всѣ-ли пророки? Всѣ-ли учителя? Всѣ-ли истолкователи?—воскликаетъ ап. Павелъ. „Всѣ!“—принуждены отвѣчать ему русскіе священники. „Мы нарочно остановились на этомъ, чтобы показать, въ предѣлахъ-ли возможнаго исполненіе всего, что до сихъ поръ *de jure* и *de facto* включалось въ кругъ обязанностей каждаго священника, и что однакоже продолжаетъ еще и теперь составлять одну изъ самыхъ неясныхъ сторонъ въ нашемъ церковномъ вопросѣ для большинства даже образованныхъ людей“¹⁾. Не входя въ критическій разборъ приведенныхъ словъ, мы считаемъ нужнымъ только обратить вниманіе на ученіе самой церкви о пастырѣ. Это послужитъ для каждаго уясненіемъ и вообще понятію о пастырѣ и въ частности—понятію о пастырѣ, какое о немъ даетъ блаженный Августинъ въ разсматриваемыхъ его сочиненіяхъ.

Обще-церковное ученіе о пастырѣ излагаетъ ап. Павелъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ. Узнавъ о безпорядкахъ, происшедшихъ между коринѳскими христіанами, услышавъ о раздѣленіи ихъ по представителямъ, Апостолъ пишетъ: „кто Павелъ, кто Аполлосъ? Они только служители, чрезъ которыхъ вы увѣровали, и притомъ, поскольку каждому далъ Господь. Я насадилъ, Аполлосъ поливалъ, но возрастилъ Богъ. Посему и насаждающій и поливающій есть ничто, а все Богъ, возвращающій; насаждающій и поливающій суть одно; но каждый получить свою награду по своему труду. Ибо мы со-

¹⁾ Изъ статьи „Задачи церкви и русское духовенство“ (Странички. 1882 г.). Слова, сказанныя десять лѣтъ тому назадъ, вполне приложимы и къ настоящему времени.

работники у Бога“ (Ш, 5—9). „И такъ каждый долженъ разумѣть насъ, какъ служителей Христовыхъ и домостроителей тайнъ Божіихъ. Отъ домостроителей же требуется, чтобы каждый оказался вѣрнымъ“ (IV, 1—2). Слѣдовательно, все дѣло пастырства святой апостоль Павелъ признаетъ за самимъ Богомъ. „Насаждающій и поливающій есть ничто, а все Богъ, возвращающій“. Онъ есть истинный, дѣйствительный Пастырь церкви. Лица же, носящія имена пастырей, не пастыри въ собственномъ и строгомъ смыслѣ, а только „служители, соработники у Бога, служители Христовы, домостроители тайнъ Божіихъ“. И только такое понятіе о пастыряхъ церкви есть дѣйствительно истинное, дѣйствительно вѣрное. „И такъ каждый долженъ разумѣть насъ“, завѣщаетъ святой Павелъ своимъ авторитетнымъ голосомъ первоверховнаго Апостола Церкви. Что значить быть „домостроителями тайнъ Божіихъ“,—это понятно само собою. Но выраженія Апостола быть „служителями, соработниками у Бога, служителями Христовыми“ требуютъ объясненій. Ихъ нужно искать, конечно, у самого же Апостола Павла. Въ посланіи къ Ефесянамъ онъ пишетъ: „Богъ поставилъ къ Церкви однихъ апостолами, другихъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями“ (IV, 11). Вотъ что значить быть служителями Христа, сотрудиниками у Бога. При этомъ, мы видимъ, что апостоль Павелъ строго различаетъ апостоловъ, пророковъ, евангелистовъ отъ пастырей и учителей. Послѣднихъ же соединительнымъ союзомъ „и“ подводитъ подъ одно понятіе и тѣмъ самымъ отождествляетъ или, лучше сказать, совмѣщаетъ ихъ отдѣльныя дѣятельности въ однихъ и тѣхъ же лицахъ, чего, не приписываетъ ни апостоламъ, ни пророкамъ, ни евангелистамъ; роли послѣднихъ совершенно обособленныя. И такъ, пастырство и учительство вмѣстѣ составляютъ обязанность однихъ и тѣхъ же лицъ. Сущность ея можно выяснитъ изъ исторіи дѣяній апостольскихъ. Извѣстно, чтобы не развлекаться попеченіями о вдовахъ и сиротахъ, а постоянно

пребывать въ молитвѣ и служеніи слова (Дѣян. VI, 4), апостолы выбрали изъ среды вѣрующихъ семь мужей, извѣданныхъ и исполненныхъ Духа Божія, и сдѣлали ихъ *попечителями* вдовъ и сиротъ. Далѣе, разнося слово Божіе по вселенной и обращая ко Христу людей, они, для дальнѣйшаго наученія и утвержденія увѣровавшихъ въ истинахъ вѣры и правилахъ жизни, передавали ихъ другому своему сподвижнику—*учителю*, какъ объ этомъ ясно говоритъ ап. Павелъ: „я, какъ мудрый строитель, положилъ основаніе, а другой строилъ на немъ“ (III, 10). Учредивъ такимъ образомъ общину, апостолы оставляли ей руководителей въ духовной жизни—*пастырей*, которые слѣдили бы за примѣненіемъ въ жизни новыхъ началъ вѣры, служа „образцомъ для вѣрныхъ въ словѣ, житіи, въ любви, въ духѣ, въ вѣрѣ, въ чистотѣ“ (1 Тим. IV, 12), которые „внимали бы себѣ и всему стаду, въ которомъ Духъ святыи поставилъ ихъ блюстителями, пасти церковь Господа и Бога, которую Онъ приобрѣлъ Себѣ кровію Своею“ (Дѣян. XX, 28). Итакъ, вотъ въ чемъ состоитъ обязанность пастырей: они—руководители въ духовной жизни своихъ пасомыхъ, блюстители ихъ, образцы для вѣрныхъ въ словѣ, въ житіи, въ любви, въ духѣ, въ вѣрѣ, въ чистотѣ, или, по выраженію преосвящ. Никанора Херсонскаго ¹⁾, „они, пастыри, суть наставники, они наставляютъ своихъ пасомыхъ, пекутся о душахъ ихъ и обязаны отдавать отчетъ, какъ на землѣ предъ Богомъ и Церковію, такъ и на страшномъ судѣ предъ Судіею праведнымъ и Церковію праведниковъ, на небѣ въ книгѣ жизни написанныхъ, не только за себя, но и за другихъ, за души своихъ пасомыхъ“. Этотъ-то трудъ, по изреченію пророка Іезекіиля (XXXIV, 4), „слабаго поддержать, больнаго исцѣлить, раненному раны перевязать, заблуждающаго обратити и погибшаго взыскать“ по-преимуществу и долженъ бы только составить обязанность и настоящихъ пастырей церкви или священниковъ. Въ такомъ смыслѣ понимаемый пастырь

¹⁾ Слово объ отлшеніи между паствой и пастырями.

церкви, скажемъ встать, долженъ быть предметомъ изученія науки Пастырскаго Богословія.

Обращаемся къ блаженному Августину и прежде остановимся на его рѣчи „De pastoribus“.

Она надписывается такъ: „Sancti Augustini Episcopi sermo XLVI „De pastoribus“, in Ezechiel cap. XXXIV ab illis verbis, Et Joctum estum est etc., usque, et pascam eas cum iudicio“¹⁾. Блаж. Августинъ говоритъ здѣсь о пастыряхъ такъ и въ томъ, именно, духъ и смыслъ, какого требуетъ держаться великій пророкъ іудеевъ, разъясняя слова пророка о пастыряхъ, на основаніи, главнымъ образомъ, словъ святаго апостола Павла.

Какое же понятіе о пастырѣ даетъ блаженный Августинъ въ своемъ сочиненіи? Для нагляднаго уясненія этого приведемъ здѣсь слѣдующія выраженія блаж. учителя въ порядкѣ стиховъ рѣчи.

„Вы (обращается блаж. Августинъ въ слушателямъ) въ стадѣ *Того* (Христа), *Который направляетъ и пасетъ Израиля*“ (De pastoribus, 1 conf. 2. 13).

„Онъ Самъ пасетъ васъ *чрезъ кого-либо*“ (ib. 2).

„Все я могу въ *Томъ, Который меня укрѣпляетъ*“. (Слова ап. Павла) (4).

„Присутствуетъ Пастырь, но для дѣлающихъ зло Онъ не Пастырь (16)“.

„Снова зоветъ Богъ, снова Самъ зоветъ. Только слушайте Его зовущаго“ (17).

„Сама Вселенская (catholica) мать, Самъ Пастырь въ ней повсюду отыскиваетъ заблуждающихся, ободряетъ слабыхъ, заботится о бепомощныхъ, соединяетъ разлученныхъ, другъ о другѣ не знающихъ. Она всѣхъ зоветъ, потому что со всѣми слита“ (18).

¹⁾ Ничто не препятствуетъ думать, что процитованныя слова св. пророка быдъ прочтены предъ слушателями прежде самой рѣчи.

„Не менѣе способенъ Богъ воззвать овецъ, такъ какъ Онъ высочайшій Пастырь, Онъ истинный земледѣлецъ. И по всему лицу земному разсѣяны онѣ и не было, кто отыскалъ бы, не было, кто бы воззвалъ. Не было, но среди тѣхъ пастырей злыхъ; не было т. е. человѣка, который взыскалъ бы“ (18).

„И не сами пастыри васъ пасутъ, но Богъ“ (22).

„Ибо говорить: вотъ Я самъ и взыщу овецъ моихъ и посѣщу ихъ, какъ посѣщаетъ пастырь овецъ своихъ“ (23 conf. 24, 25).

„Нашъ Искупитель пасетъ съ справедливостью“ (28 conf. fin. 29 et totum 30).

„Вами справедливо слышится голосъ Христа, голосъ Пастыря, который овцы слышатъ и которому слѣдуютъ“ (35).

Выводъ изъ этихъ цитатъ весьма понятенъ. Согласно ученію Церкви, блаженный Августинъ говоритъ, что единственный, истинный Пастырь Церкви есть Самъ Богъ, по Его непреложному слову: „Вотъ Я самъ, и взыщу овецъ Моихъ и посѣщу ихъ, какъ пастырь посѣщаетъ овецъ своихъ... И выведу ихъ изъ народовъ и соберу ихъ отъ странъ и введу ихъ въ землю и буду пасти на горахъ Израилевыхъ“ (23. 24). Его дѣятельность, какъ пастыря, высказывается въ томъ, что Онъ вообще—„укрѣпляетъ“, въ частности—въ томъ, что Онъ „отыскиваетъ заблуждающихся, ободряетъ слабыхъ, заботится о беспомощныхъ, соединяетъ разлученныхъ, другъ о другѣ не знающихъ“ (18).

Такимъ понятіемъ о Богѣ и Его дѣятельности ясно уже намѣчается, такъ сказать, канва и того ученія о пастырѣ-священникѣ, которое блаж. Августинъ раскрываетъ потомъ въ разбираемыхъ сочиненіяхъ; изъ него легко можно видѣть, что пастырь-священникъ не пастырь въ собственномъ смыслѣ, а только „викарій“, намѣстникъ Божій“, а потому и свою дѣятельность долженъ направлять по образу дѣятельности Того, у Котораго онъ состоитъ намѣстникомъ.

Въ сочиненіи „De visitatione infirmorum“ пастырь раз-

смагивается въ трехъ его отношеніяхъ: въ отношеніи а) къ Богу, б) къ человѣку и в) къ Тому и другому вмѣстѣ.

Въ отношеніи къ Богу священникъ не есть пасыръ самостоятельный: онъ только „*vicarius*“, помощникъ Божій. Разбирая мнѣніе нѣкоторыхъ, утверждавшихъ, что вполне достаточно исповѣдаться въ своихъ грѣхахъ предъ однимъ Богомъ, блаж. Августинъ, обращаясь къ своему умирающему внуку, говорить: „я не желаю, чтобы ты былъ обмануть этою мыслию, смущаясь исповѣдаться предъ лицомъ *помощника Божія*, краснѣя отъ стыда и упорствуя по пренебреженію, ибо должно смиренно подчиниться суду того, кого Богъ не пренебрегъ избрать себѣ въ *помощника*“ (De visit. infirm. lib. II, cap. IV).

По отношенію же къ человѣку священникъ есть *восприемникъ* его *совѣсти*, *судья и властелинъ его язвъ*. „Проси къ себѣ священника“, пишетъ блаженный отецъ, „и дѣлай его *восприемникомъ* твоихъ внутреннѣйшихъ дѣлъ совѣсти“ (ibid. lib. II, cap. IV). „Пусть будетъ пресвитеръ *властелиномъ и судьей твоихъ язвъ*, по установленію Божію, и открой ему пути свои, и онъ (самъ) дастъ тебѣ средство къ примиренію“ (ib.).

По отношенію къ Тому и другому вмѣстѣ, т. е. къ Богу и человѣку вмѣстѣ, священникъ есть *посредникъ между Богомъ и человекомъ*. Блаженный Августинъ говоритъ: „Мы свидѣтельствуемъ и свидѣствуемъ это здравое ученіе (о необходимости исповѣди предъ священникомъ), чтобы ты соулаждался похвалами тебѣ, потому что ты первѣе нуждаешься въ священникѣ, который былъ бы *посредникомъ между тобою и Богомъ твоимъ*, по спасительному опредѣленію; иначе и по закону и по благодати, какъ исполнить божественный отвѣтъ: идите и покажитесь священникамъ (Лк. XVII, 14; Лев. XIV, 2)? Или какъ исполнить слова: исповѣдайте другъ другу согрѣшенія ваши“ (Іаков. V, 16)? (ibid. lib. II, cap. IV).

Наконецъ, по своимъ внутреннимъ качествамъ священникъ есть *ангелъ Божій*. „Стоящаго предъ тобой священ-

ника“, завѣщаетъ блаж. Августинъ своему внуку, „считай за ангела Божія. Уста священника, говоритъ Малахія, охраняють знаніе, и законъ взыщутъ изъ устъ его, ибо онъ Ангелъ силъ Господнихъ“ (Малах. II, 7; De visit. infirm. lib. II, c. V). „И какія тяжелыя дѣла огорчаютъ душу твою, отерой ихъ ангелу Божію... И какое почтеніе прилично Богу и ангелу Его, воздавай и служителю Его“ (De visit. infirm. lib. II, cap. V. confer. De pastoribus, 6).

Послѣднее свойство священника есть, впрочемъ, только идеаль,—свойство, значить, только желательное, но рѣдко замѣчаемое и, вѣрнѣе сказать, почти не замѣчаемое въ дѣйствительности. Лицевая сторона давала себя чувствовать здѣсь довольно сильно для того, чтобы блаж. Августинъ не могъ ея не замѣтить; а потому онъ и свидѣтельствуетъ, что на самомъ дѣлѣ священникъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ другіе люди. „Всякій человѣкъ немощенъ. И что такое всякій, кто управляетъ вами, какъ не то же, что и вы сами? Онъ имѣетъ плоть, смертенъ, ѣстъ, спитъ, встаетъ, рожденъ и умретъ. И почитая его, какъ ангела, ты скрываешь то, что въ немъ слабо“ (De pastor., 6). Эта, если такъ можно выразиться, *человѣчность* всякаго священника служитъ главнѣйшею и, можно сказать, исключительною причиною того, что „свойственно многимъ называться священниками, но не всѣмъ свойственно быть таковыми“ (De visitat. infirm. lib. II, cap. VII). „Если многимъ вѣряется пресвитерское управленіе, то не всѣ одинаково посвящаютъ себя на служеніе пресвитерскаго управленія. Иной при всѣхъ удобныхъ обстоятельствахъ ненасытно ищетъ того, что его, а не того, что—Иисуса Христа; иной страдаетъ нерадѣніемъ, иной погибаетъ отъ незнанія..., иной тщательно вывѣдываетъ у вѣрнной стражи мѣсто и время, и жизнь честнаго служителя соответствуетъ нуждамъ соединеннаго съ нимъ служенія“ (De visit. infirm. lib. II, cap. VII). Поэтому, если избирается изъ среды людей кто-либо на служеніе священства, то избирается

„не ради собственныхъ заслугъ“, но „по достоинству Господа“, т. е. по благодати Божіей (De pastorib., 2).

Нельзя не удивляться тому, какъ у блаж. Августина логически стройно вытекаетъ одно положеніе изъ другого. Такъ, опредѣливши священника, какъ намѣстника Божія и, главнымъ образомъ, какъ ангела Божія, какъ стража Господня (De pastor. 20), блаженный отецъ выводитъ отсюда и обязанности его въ этомъ отношеніи. Священникъ—ангелъ Господень, вѣстникъ Божій,—слѣдовательно, долженъ быть постояннымъ проводникомъ воли Божіей въ пасомыхъ, долженъ неустанно поучать ихъ въ словѣ Господнемъ. Священникъ—„стражъ дома Израилева“,—поэтому—обязанъ неусыпно слѣдить за всякимъ движеніемъ въ области мысли и жизни своихъ пасомыхъ и грозно трубить въ трубу о мечѣ, грядущемъ на незаконнующихъ, когда видитъ уклоненіе этихъ послѣднихъ отъ общаго, Богомъ отмѣченнаго для всѣхъ людей пути. Исполненіе этихъ обязанностей ведетъ за собою награду для пастыря отъ Бога, пренебреженіе ими—осужденіе. Такія мысли блаженный Августинъ раскрываетъ, почти безъ всякихъ добавленій, словами пророка Іезекіиля (гл. XXXIII): „Сынъ человѣческій, говоритъ Господь у пр. Іезекіиля, Я далъ тебя стражемъ дому Израилеву: ты будешь слушать слово изъ устъ Моихъ, и передашь имъ отъ Меня. Когда скажу грѣшнику: смертію умрешь, и не будешь говорить, чтобы обратился нечестивый отъ пути своего, незаконникъ умретъ въ незаконіи своемъ, а кровь его отъ руки твоей взыщу. Если же возвѣстишь ты незаконнику путь его, чтобы онъ отвратился отъ него, и онъ не обратится отъ пути своего, въ нечестіи своемъ умретъ, а ты избавишь душу свою. Видите, прибавляетъ блаж. Августинъ, какъ пагубно молчать? Умираетъ тотъ и справедливо умираетъ: въ нечестіи своемъ и въ грѣхѣ своемъ умираетъ, ибо его нерадѣніе убиваетъ его. Ибо онъ находитъ Пастыря живущимъ, Который говоритъ: живу Я, говоритъ Господь. Но когда бываетъ небреженъ и пастырь и пасомый, и тотъ

справедливо умираетъ и этотъ (пастырь) справедливо осуждается. Если же скажешь, говорить, нечестивому: смертію умрешь,—тому, которому Я буду угрожать мечемъ, и онъ презреть угрожающій мечъ для жизни, и придетъ мечъ и убьетъ его; онъ во грѣхѣ своемъ умретъ, ты же душу свою освободилъ. Поэтому, заключаетъ блаженный отецъ, наше дѣло—не молчать; ваше же, если даже мы будемъ молчать—слушать слова пастыря изъ священныхъ писаній“ (De pastor., 20). Пастырь долженъ проповѣдывать постоянно, „благовременно—для желающихъ“ и „безвременно—не желающихъ“, въ исполненіе заповѣди Апостола, который говоритъ: „скажи слово, настой благовременно и безвременно“ (De pastor 14). Никакія внѣшнія или внутреннія препятствія не должны останавливать его—проповѣдующаго. Весьма картинно изображаетъ блаженный Августинъ такого пастыря—проповѣдника въ моментъ его проповѣдническаго одушевленія. „Я снова буду, говоритъ онъ, призывать согрѣшающую (овцу), отыскивать погибшую, волей-неволей я сдѣлаю это. Если бы меня, ищущаго, изодрали терновники лѣсные, то я чрезъ всѣ тѣсины проникну, изыщу для этого всѣ надежды; насколько дастъ мнѣ силъ устрашающій Богъ, я все пройду; буду звать заблуждающаго, отыскивать погибающаго“ (De pastor., 14).

Проповѣдываніе слова Божія, и само по себѣ важное, еще болѣе становится необходимымъ въ виду распространяющихся ересей и расколовъ. Молчать въ данномъ случаѣ—значить, по слову Господа, приводимому блаж. Августиномъ, „умерщвлять крѣпкое, заколатъ тучное“ т. е. подавать соблазнъ твердо вѣрующимъ къ отступленію отъ вѣры. Эта мысль подробно раскрыта блаженнымъ учителемъ въ 15-мъ стихѣ сочиненія „De pastoribus“.

Безспорно, что не всякій способенъ быть руководителемъ въ дѣлѣ вѣры и жизни. Для этого необходимы высокій духъ благочестія, всестороннее образованіе, основательное знакомство съ умственными, нравственными и общественными по-

литическими запросами своего времени и умѣнье, наконецъ, вѣрно опредѣлять средства для религіозно-нравственнаго воздѣйствія на сознание людей. Вѣдь и апостолы выбирали для этого „*мужей изъзданныхъ и исполненныхъ Духа Божія*“ (Дѣян. VI, 3). Поэтому и блаженный Августинъ признаетъ необходимымъ, что на служеніе пастырства, должны быть призваны умѣйшіе и прилежнѣйшіе. Ибо, если для тѣлесныхъ болѣзней требуются болѣе опытные врачи, насколько же болѣе для духовныхъ язвъ должны быть допускаемы болѣе возвышенные врачи и, если можно такъ выразиться, болѣе духовные“ (De visit. infirm. lib. II, cap. VII). А въ наглядное доказательство такой необходимости онъ указываетъ читателямъ своего сочиненія „De visitatione infirmorum“ на очевидный фактъ,—именно, обращаетъ ихъ вниманіе на одинъ случай губельнаго вреда, являющагося слѣдствіемъ недостаточнаго образованія священниковъ. „Смотри“, пишетъ онъ, „что происходитъ отъ незнанія невѣждъ. Услышитъ кто-либо изъ менѣе ученыхъ священниковъ исповѣдь твою, увидитъ немощь твою, и однако не знаетъ, какимъ справедливымъ судомъ оцѣнить вещи этого рода, потому что не знаетъ, какое скорое средство необходимо при внезапныхъ болѣзняхъ или при послѣднемъ концѣ, и отвѣчаетъ больному: братъ, если переживешь, то постись, твори милостыню и молись... Приходить для утѣшенія больного; ему необходимо скорое разрѣшеніе, а онъ къ разрѣшенію присоединяетъ нѣкоторую связь. О достойное изгнанія ослѣпленіе сердца!“ (lib. II, cap., VIII).

Но одного ученія, одного проповѣдыванія слова Божія еще недостаточно для того, чтобы быть пастыремъ въ полномъ объемѣ этого слова. Это—собственно только одна еще сторона дѣла. Практика жизни показываетъ, что добрый примѣръ иногда бываетъ назидательнѣе всякихъ проповѣдей. Поэтому отъ пастыря церкви требуется, чтобы онъ примѣромъ своей собственной добродѣтельной и благочестивой жизни доказывалъ пасомымъ возможность исполненія всѣхъ заповѣдей

Христовыхъ. Призываемые быть „свѣтильниками“ ученія христова, пастыри должны и поступать во всемъ такъ, чтобы быть достойными этого великаго своего назначенія. Эту мысль блаженный Августинъ развиваетъ словами Священнаго Писанія такъ: „пусть будутъ чресла ваши (священниковъ) подвязанными и свѣтильники горящими“ (Лк. XII, 35) и „никто, зажегши свѣтильникъ, не ставитъ его подъ спудомъ, но на подсвѣчникъ, чтобы онъ свѣтилъ всѣмъ, кто находится въ домѣ (Мѡ. V, 15, 16), пусть просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославили Отца вашего, Который на небесѣхъ“ (De pastor., 5). Въ другомъ мѣстѣ сочиненія „De pastoribus“ блаженный Августинъ пишетъ о томъ же: „худо живущій худой примѣръ представляетъ. Или напрасно сказано рабу Божию, представляющему въ своихъ членахъ (т. е. въ себѣ самомъ) образъ высочайшаго Пастыря: во всемъ самъ подавай примѣръ добрыхъ дѣлъ (Тит. II, 7)? и: будь образцомъ для вѣрныхъ (I Тимоѡ. IV, 12)? Ибо очень часто добрая овца подражаетъ своему, худо живущему, пастырю; если она отвращаетъ свои глаза отъ заповѣдей Божіихъ и стремится къ человѣку, то начинаеть говорить въ сердце своемъ: если мой пастырь такъ живетъ, то кто таковъ я, что не могу дѣлать того, что онъ дѣлаеть?— Итакъ, если онъ убиваетъ добрую овцу, то что же дѣлаеть съ остальными тотъ, который худую жизнь убиваетъ то, что онъ самъ не укрѣпилъ?

Чтобы точнѣе выяснитъ и нагляднѣе представить обязанности пастырей церкви, блаженный Августинъ избираетъ весьма удобный и удачный пріемъ: онъ проводитъ параллель между недобрыми и добрыми пастырями, имѣя предъ глазами живые примѣры тѣхъ и другихъ и, такимъ образомъ, изображаетъ, чего нужно избѣгать и что должно дѣлать истинному пастырю. Все сочиненіе „De pastoribus“ преслѣдуетъ исключительно эту цѣль; отступленій не много, преимущественно въ концѣ сочиненія, но и тѣ, впрочемъ, могутъ быть сведены

въ концѣ-концовъ къ доказательству той же самой мысли, т. е. къ выясненію пастырскихъ обязанностей.

„Пастыри—злые, пастыри—ложные, пастыри—о своемъ заботящіеся, а не о І. Христовомъ, изъ-за собственной выгоды радующіеся о молокѣ и шерсти, объ овцахъ совершенно не заботящіеся и больное не врачующіе“,—вотъ общая цѣльная характеристика, какую блаженный Августинъ дѣлаетъ злымъ пастырямъ (De pastor., 13).

Уже самыя первыя строки сочиненія „De pastoribus“ знакомятъ читателя съ такой характеристикой. Такъ, опредѣляя въ стихѣ первомъ поводъ написанія своего сочиненія, блаженный Августинъ пишетъ, что имъ послужило то обстоятельство, что „есть пастыри, которые желаютъ радоваться имени пастырей, исполнять же пастырскихъ обязанностей не желаютъ“. И далѣе, въ стихѣ второмъ, приводя слова Господа противъ злыхъ пастырей: „такъ говоритъ Господь Богъ: о, пастыри Израильскіе, пасущіе самихъ себя. Неужели не овецъ пасутъ пастыри“, т. е. себя пасутъ пастыри, а не овецъ“, и, онъ выясняетъ, что „это—первая причина, почему обличаются пастыри, такъ-какъ пасутъ самихъ себя, а не овецъ“, поставивши вопросъ, „кто же тѣ, которые пасутъ самихъ себя“, блаженный отецъ отвѣчаетъ: „о нихъ апостоль говоритъ: всѣ, которые ищутъ своего, а не І. Христова“, кто „ищетъ чести своей, усматриваетъ выгоды только свои—этотъ пасетъ самого себя, а не овецъ“.

Что значитъ пасти себя, а не овецъ,—блаженный Августинъ подробнѣе изъясняетъ въ стихѣ третьемъ и слѣдующихъ, руководясь въ данномъ случаѣ словами Господа, сказанными чрезъ пророка Іезекііля: „вотъ вы ѣдите молоко, и волною одѣваетея, и тучное заколаете, а овецъ Моихъ не пасете, изнемогающаго не подняли, и болящаго не уврачевали, и сокрушеннаго не обвязали, и заблуждающаго не обратили, и погибшаго не искали и крѣпкое оскорбили трудомъ“ (Іез. XXXIV, 3—4). Какъ видно, въ приведенныхъ словахъ проводится одна и та же мысль, но только съ двухъ сторонъ—

съ положительной и отрицательной; говорится о томъ, что злые пастыри дѣлають,—„что любятъ“, и чего не дѣлають,—„чѣмъ пренебрегають“. И тому, и другому развитію этой мысли блаженный Августинъ въ своемъ сочиненіи посвящаетъ особое разъясненіе, отдѣляя на каждое по нѣскольку стиховъ.— И, во первыхъ, слѣдуя плану пророка Іезекииля, блаженный отецъ старается уяснить выраженіе пророка о пастыряхъ: „вотъ вы ѣдите молоко“. Опредѣливъ, что подъ молокомъ въ данномъ случаѣ нужно разумѣть то, „что даетъ народъ Божій предстоятелямъ для поддержанія ихъ временной жизни“, и засвидѣтельствовавъ, что право на это дано предстоятелямъ Самимъ Богомъ, какъ объ этомъ говоритъ ап. Павелъ въ 1 Коринто. IX, 14, блаженный Августинъ, на примѣрѣ первоверховнаго Апостола, выясняетъ то, какъ должно пользоваться этимъ правомъ. Тутъ, подобно Апостолу, нужно „не столько радоваться тому, что пасомые оказали помощь недостатку пастыря, сколько благодарить ихъ за приношеніе“. „Пусть пастыри принимаютъ отъ молока овецъ“, пишетъ блаженный отецъ, „и тѣмъ помогаютъ своей нуждѣ. Но пусть не пренебрегають слабостью овецъ: пусть представляюгъ людямъ, долженствующимъ просвѣтиться, свѣтъ истиннаго ученія“. „Пусть они получаютъ въ необходимости поддержку отъ народа, награду за управленіе отъ Господа“... „Пусть они не ждуть себѣ награды иной, кромѣ происходящаго отъ ихъ труда спасенія“.—Преобладающая въ сочиненіи мысль блаженного отца такова, что пастыри должны отыскивать себѣ пропитаніе сами, своимъ собственнымъ трудомъ, подобно апостолу Павлу.

Здѣсь вполнѣ естественно возникаетъ вопросъ: какъ же должны или могутъ поступать пастыри съ доходомъ въ томъ случаѣ, когда они, правда, и не богатые, но все-таки состоятельные, могущіе жить и безъ дохода,—могутъ ли они принимать приношенія, или должны отказывать въ принятіи ихъ. Вопросъ—вполнѣ естественный, вызываемый самою жизнію. И нельзя сказать, что блаж. Августинъ оставилъ его безъ

разрѣшенія. Мысль блаженнаго отца такова: и въ этомъ случаѣ принимать приношенія нужно, но только—употреблять ихъ на дѣла благотворительныя. „Что скажемъ еще о тѣхъ, которые не имѣютъ нужды въ молокъ стада? пишетъ онъ. Пусть они сострадательнѣе употребляютъ его на обязанности своего милосердія“.—Совершенно въ томъ же духѣ блаженный Августинъ рѣшаетъ и вопросъ о пользованіи пастыря волною овецъ. И въ этомъ случаѣ пастырь, подобно Апостолу, долженъ преслѣдовать одну цѣль, чтобы „не пренебречь овецъ и искать не своего, а І. Христова“. Мысль: „чего злые пастыри не дѣлаютъ“ блаженный Августинъ раскрываетъ выясненіемъ словъ Господа, возвѣщенныхъ устами пророка Іезекіиля: „изнемогающаго не подняли, и болящаго не уврачевали, и сокрушеннаго, т. е. разбитаго, не обвязали, и заблудшаго не обратили, и погибшаго не искали, и крѣпкое оскорбили трудомъ (XXXIV, 4. De pastorib., 10).

Какъ сказано ранѣе, въ параллель съ изображеніемъ пастыря злого, блаженный Августинъ начертываетъ и образъ пастыря добраго. Между прочимъ, разъясненію этой мысли онъ посвящаетъ главнымъ образомъ тридцатый стихъ сочиненія „De pastoribus“.

Здѣсь, переходя отъ изображенія злого пастыря къ изображенію добраго, блаж. Августинъ задаетъ такой вопросъ: „Итакъ, были и находились пастыри, ищущіе не своего, а того, что—І. Христа?“ и отвѣчаетъ: „точно были и находились, точно и есть, и будутъ“ (ibid., 19). И въ другомъ мѣстѣ: „да не будетъ, чтобы не доставало у насъ добрыхъ пастырей; да не будетъ, чтобы у насъ ихъ не доставало; да не будетъ по милосердію Его, чтобы Богъ не рождалъ ихъ и не утверждалъ (ibid., 30). Если есть добрыя овцы, есть и добрые пастыри, ибо при добрыхъ овцахъ бывають и добрые пастыри“.

Въ противоположность пастырямъ злымъ, заботящимся только о своихъ личныхъ интересахъ, искавшимъ только своего, а не того, что І. Христа,—„всѣ добрые пастыри въ од-
Труды Кіев. дух. Академіи. Т. III. 1895 г.

номъ и одно. Они пасуть—Христось пасеть. Ибо не говорятъ за себя друзья жениха, но радуются за слова жениха. Итакъ, Онъ самъ пасеть, когда они пасуть, и говоритъ: Я пасу потому что у нихъ Его голосъ, у нихъ Его благодать... Пасти Христомъ—значить пасти во Христѣ и со Христомъ пасти... Итакъ, всѣ въ одномъ Пастырѣ, и говорятъ одно слово Пастыря, которое слышать овцы и слѣдуютъ своему Пастырю, и не тому или другому, но одному; и всѣ въ Немъ говорятъ однимъ голосомъ, различныхъ голосовъ не имѣютъ... Этотъ голосъ, лишенный всякаго раздѣленія, чистый отъ всякой ереси, слышать овцы и слѣдуютъ Пастырю своему, говорящему: овцы мои слушаютъ голосъ мой и слѣдуютъ мнѣ (30). Вотъ идеаль истиннаго пастыря, какъ его представляетъ блаженный Августинъ. Комментируя его слова, получаемъ такой ходъ мыслей. Каждый пастырь, чтобы быть таковымъ не по имени только, а и на самомъ дѣлѣ, долженъ весь проникнуться идеей пастырства: въ этомъ случаѣ онъ долженъ являть въ себѣ образъ Христа не внѣшнимъ своимъ видомъ и властію надъ пасомыми, но *внутреннимъ* своимъ *человѣкомъ*; какъ малая капля водъ съ точностію отражаетъ въ себѣ величественное солнце, такъ и пастырь долженъ въ своемъ образѣ отражать величественный, чудный, священнѣйшій образъ Пастыреначальника своего І. Христа, Который не ученіе только преподавалъ людямъ, но и въ жизни своей осуществлялъ все то, чему училъ, въ своемъ лицѣ явилъ вѣрующимъ тотъ идеаль совершенства, къ которому они должны приближаться, чтобы быть достойными царствія Божія. Но для того, чтобы пастырь могъ быть дѣйствительнымъ образомъ Христа, необходимо, чтобы въ сердцѣ его ясно отпечатлѣлся этотъ чудный, великій и священнѣйшій образъ. Только въ такомъ разѣ и возможно осуществленіе словъ блаженнаго учителя: „всѣ добрые пастыри въ одномъ и одно. Они пасуть—Христось пасеть... Всѣ въ Немъ говорятъ однимъ голосомъ, разныхъ голосовъ не имѣютъ“.

Существенная черта Господа нашего І. Христа, есть

Его постоянная и неослабная забота о душахъ людей, искупить которыхъ своею честною кровію Онъ и приходилъ на землю. Всѣ другія черты сводятся или, по крайней мѣрѣ, могутъ быть сведены къ этой главной и преимущественной. Этой же заботой о душахъ вѣранныхъ пастырю людей долженъ проникнуться и онъ, если хочетъ быть пастыремъ на самомъ дѣлѣ, а не по имени только. Въ чемъ должна заключаться эта забота пастыря о пасомыхъ по мысли блаженнаго Августина, иначе—въ чемъ для пастыря значеніе разсматриваемыхъ сочиненій блаженнаго учителя,—объ этомъ мы и намѣрены говорить въ дальнѣйшемъ изложеніи своего изслѣдованія.

III.

Значеніе разсматриваемыхъ сочиненій блаженнаго Августина для пастыря въ его дѣятельности.

Сочиненіе блаженнаго Августина „De visitatione infirmorum“ указываетъ предметъ и родъ пастырской дѣятельности. Типъ истиннаго пастыря, выводимый бл. отцомъ. Краткое содержаніе сочиненія „De visitatione infirmorum“. Значеніе его, какъ программы, для пастыря въ его дѣятельности.—Общее заключеніе.

Въ отношеніи къ душепопеченію пастыря о своихъ пасомыхъ преимущественный предъ рѣчью о пастыряхъ и существенный интересъ имѣетъ сочиненіе блаж. Августина „De visitatione infirmorum“, такъ что дальнѣйшія наши разсужденія будутъ ограничены, почти исключительно, разъясненіями значенія этого послѣдняго.

Уже самое названіе,—а оно было дано, какъ сказано ранѣе, не самимъ Августиномъ, а читателями, по нашему мнѣнію, выразившими въ данномъ случаѣ голосъ всей Церкви, а не одного частнаго лица,—самое названіе этого сочиненія указываетъ для пастыря и предметъ, къ которому должна направляться его дѣятельность („*infirmi*“—вотъ о комъ пастырь долженъ преимущественно заботиться), и обозначаетъ родъ этой дѣятельности („*visitatio infirm.*“), *посѣщеніе*. Сущность же этого *посѣщенія*, т. е. то, въ чемъ оно должно

выражаться, блаженный учитель и раскрываетъ въ своемъ сочиненіи „De visitatione infirmorum“. Авторитетъ писателя, его, по собственному свидѣтельству (lib. II, cap. VI), „опытность“ въ дѣлѣ попеченія о своихъ пасомыхъ ясно говоритъ и за авторитетъ его совѣтовъ о душепопеченіи, какіе читатель можетъ заимствовать изъ сочиненія „de visitatione infirmorum“.

Намъ кажется, это сочиненіе, безотносительно къ тому, что о немъ было сказано ранѣе, можно разсматривать въ такомъ именно смыслѣ: наученный долготѣннымъ опытомъ (lib. II, cap. VI), блаж. Августинъ хотѣлъ здѣсь представить идеальнаго пастыря со стороны именно его заботъ о душахъ, ввѣренныхъ его попеченію, и съ этою цѣлію изображаетъ такого пастыря въ самый моментъ посѣщенія имъ больного, такъ что этотъ пастырь, котораго блаж. Августинъ выводитъ подъ своимъ собственнымъ образомъ не настоящій, дѣйствительный пастырь, а только его идеаль, хотя, впрочемъ, не столь трудный, чтобы его невозможно было достигнуть или выполнить, точнѣе—это и не идеаль, а *типъ* истиннаго пастыря, нарисованный на основаніи того, что блаженный Августинъ самъ не-разъ дѣлалъ во время своихъ посѣщеній больныхъ; поэтому, на фактъ посѣщенія блаженнымъ учителемъ больного, изображаемый въ его сочиненіи, мы думаемъ, слѣдуетъ смотрѣть не какъ на фактъ единичный и притомъ дѣйствительно бывшій, а какъ, такъ сказать, на итогъ многихъ такихъ фактовъ, на фактъ желательный и, въ этомъ смыслѣ, идеальный. А отсюда слѣдуетъ, что и всякій пастырь можетъ и даже долженъ, при своихъ посѣщеніяхъ больныхъ, руководствоваться тѣмъ, что дѣлаетъ при такомъ же посѣщеніи, выводимый блаж. Августиномъ, пастырь.

Такъ какъ, по мысли блаж. Августина, пастырь есть „наѣстникъ Божій“ на землѣ, то его дѣятельность въ данномъ случаѣ должна служить отображеніемъ дѣятельности въ отношеніи къ людямъ Самого Бога,—единственнаго, истиннаго Пастыря. И

такъ какъ дѣятельность этого Пастыря состоитъ въ томъ, что Онъ вообще „укрѣпляетъ“ людей, въ частности—что „Онъ ободряетъ слабыхъ, заботится о безпомощныхъ, соединяетъ разлученныхъ, другъ о другѣ не знающихъ“ (De past., 4, 18),— слѣдовательно, на эти стороны попеченія о своихъ пасомыхъ должно быть обращено полное вниманіе и каждаго пастыря Церкви. Такую общую мысль блаж. Августинъ проводитъ въ своемъ сочиненіи „De pastoribus“ въ сочиненіи же „De visitatione infirmorum“ та же самая мысль съ достаточною полнотою раскрывается на примѣрѣ выводимаго блаж. Августиномъ пастыря. Послѣдовательное изложеніе содержанія этого сочиненія всего нагляднѣе можетъ показать, какъ пастырь Церкви долженъ заботиться о своихъ пасомыхъ, и на что должно быть обращено его преимущественное вниманіе.

Узнавъ о болѣзни своего внука (въ переносномъ смыслѣ слово „внукъ“ можно понимать въ значеніи „прихожанинъ“), бл. Августинъ спѣшитъ посѣтить его и сказать ему послѣднее, напутственное въ вѣчную жизнь, слово. Почти невыносимая скорбь сердца много препятствовала блаженному отцу исполнить свое намѣреніе, но энергія духа превозмогла эту скорбь и блаж. Августинъ произноситъ слово (содержаніе первой главы первой книги).

Уже въ этомъ короткомъ пересказѣ только одной главы сочиненія бл. Августина „De visit. infirm.“ внимательный пастырь Церкви можетъ легко найти руководительную нить и для своихъ нерѣдкихъ посѣщеній больныхъ. Въ настоящее время у насъ пастыри Церкви обыкновенно посѣщаютъ своихъ прихожанъ только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ: во время „хожденія по приходу“ и при самой крайней немощи больного, когда упадокъ физическихъ силъ совершенно не позволяетъ ему самому явиться къ своему духовному отцу; да и въ такихъ случаяхъ дѣло совершается обыкновенно *ex officio*, кое-какъ, на скорую руку. Съ перваго взгляда, какъ будто за подобное же пониманіе дѣла говорить и описываетъ

мый блаженнымъ Августинѣмъ фактъ изъ его пастырской практики: и здѣсь рѣчь идетъ о посѣщеніи такого больнаго, который уже спѣшитъ вступить „въ жизнь всеобщаго тѣла“ (lib. 1, cap. II). Но этимологическое значеніе слова „infirmus“, употребленнаго для обозначенія болѣзненнаго состоянія выводимаго въ сочиненіи внука, и собственное, блаженнаго Августина, разумѣніе этого слова (De pastor., 13) показываетъ, что подъ больнымъ (infirmus), посѣтитъ котораго бл. Августинъ считаетъ непремѣннымъ своимъ долгомъ, нужно понимать больнаго не только въ смыслѣ физическомъ, но и нравственномъ, духовномъ. „Больные—*infirmi*—тѣ“, пишетъ бл. Августинъ въ сочиненіи „De pastoribus“, въ стихѣ 13-мъ, „которые повидимому распалются въ добрыхъ дѣлахъ, но не жаждутъ переносить угрожающихъ страданій, или не могутъ, и которые вслѣдствіе самой слабости, безъ какихъ-либо постороннихъ силъ не могутъ сдѣлать ничего добраго“. Поэтому, пастырямъ церкви „должно бояться, чтобы не пришло къ больному искушеніе и не сломало его; какъ изнемогающій, онъ уже болитъ нѣкоторой похотью и нѣкоторой похотью задерживается отъ должнаго прохожденія пути Божія, отъ должнаго несенія ига Христова“. Отсюда блаж. Августинъ дѣлаетъ такое заключеніе, что пастыри должны „примѣчать“ людей, рѣшившихъ хорошо жить“, утвердившихся въ хорошей жизни, и людей, „менѣе способныхъ переносить зло“, искушенія, людей „больныхъ“. „Примѣчать“ же или, по современной терминологіи, „наблюдать“ можно только тогда, когда есть предметы для наблюденія. Но если этихъ предметовъ для наблюденія нѣтъ?—Въ такомъ случаѣ, ихъ надо будетъ отыскать.—Такимъ образомъ, и приведенный совѣтъ блаженнаго Августина, и рассказываемый имъ фактъ ясно говорятъ за необходимость для пастыря Церкви посѣщенія своихъ прихожанъ въ цѣляхъ совершенія ихъ спасенія, еже къ Богу, а употребленіе блаж. Августиномъ слова „infirmus“ въ разсматриваемыхъ сочиненіяхъ въ значеніи больнаго, и физически, и нравственно, ясно свидѣтельствуетъ за то, что такое посѣ-

щеніе пастырями Церкви своихъ прихожанъ равно необходимо какъ для больныхъ, такъ и для здоровыхъ въ общепогребительномъ смыслѣ этихъ словъ, потому что какъ тѣ, такъ и другіе въ большинствѣ случаевъ одинаково больные въ смыслѣ духовномъ, одинаково *infirmi*. И это посѣщеніе тѣмъ болѣе необходимо, пишетъ блаж. Августинъ, что „язвы овецъ открываются широко“, и что, наоборотъ, „очень мало овецъ здоровыхъ и тучныхъ, т. е. способныхъ къ принятію истины и хорошо пользующихся пастбищами, какъ даромъ Божиимъ“ (*De pastorib.*, 9). Итакъ, визитацію пастырей церкви, о которой частыя замѣтки стали появляться въ нашихъ духовныхъ журналахъ, напримѣръ: въ Руководствѣ для сельскихъ пастырей (за 1891 й годъ), признаетъ необходимою и блаж. Августинъ, что онъ подтверждаетъ и своими сочиненіями, и собственной пастырской практикой.

Что дѣлать пастырю Церкви во время такихъ посѣщеній, о чемъ говорить,—руководительный отвѣтъ на это всякій пастырь можетъ легко найти въ образѣ и способѣ дѣйствій такого авторитетнаго учителя Церкви, какъ бл. Августинъ.

Такъ какъ для больного, въ особенности такого, который уже „снѣшить вступить въ жизнь всеобщаго тѣла“ (*lib.* 1, с. II), конечно, всего интереснѣе слышать объ этой именно жизни, то бл. Августинъ въ своемъ сочиненіи „*De visitatione infirmorum*“ съ разсужденія о вѣчной жизни и начинается свое слово при посѣщеніи больного.

Общая мысль блаж. отца такова.—„Къ вѣчной жизни приготовляетъ раскаяніе; ведетъ въ нее Христосъ, а принимаетъ Самъ Богъ Отецъ“.

Частное развитіе этой мысли.

Какъ и вообще, чтобы не ослабѣть въ дорогѣ, нужно имѣть значительные путевые запасы, такъ и въ дорогѣ къ вѣчной жизни необходимо имѣть путевые запасы. Таковыми должны быть исповѣданіе своихъ грѣховъ предъ священникомъ и чистосердечное раскаяніе. Чтобы идти куда-нибудь въ опредѣленное мѣсто, нужно знать дорогу въ это именно

мѣсто; къ вѣчной жизни такой дорогой служить Самъ Христосъ, какъ Онъ и сказалъ о Себѣ: „Я путь, истина и жизнь“. Но Христосъ—Богъ, Богъ-же вездѣсущъ; слѣдовательно, какою бы дорогою человѣкъ ни сталъ искать вѣчной жизни—Христа, онъ вездѣ найдетъ Его, потому что, пишетъ Августинъ, „Онъ и въ тебѣ, и позади тебя, и предъ тобой, и кругомъ тебя“; поэтому вполне справедливо изреченіе псалмопѣвца: „если взойдешь на небо, Богъ тамъ; сойдешь въ адъ—и здѣсь Онъ присутствуетъ. Если возьмешь крылья свои на разсвѣтъ, чтобы вселиться въ послѣднихъ моря, даже и здѣсь рука Его выведетъ тебя, и десница Его поддержитъ тебя“. Божественное присутствіе въ особенности проявляется въ странникахъ; отсюда слѣдуетъ заключеніе, что сдѣлать что-либо одному изъ этихъ меньшихъ братьевъ значитъ сдѣлать для Самого Христа; за таковыя поступки Господь обѣщаетъ царство небесное. „Прииди, благословенный Отца Моего“ передаетъ бл. Августинъ слова Христа такому человѣку, „получи царство“ (содержаніе второй главы первой книги *De visitatione infirmorum*)

Однако, для полученія столь великаго счастья человѣку одного исповѣданія въ своихъ грѣхахъ и раскаянія въ нихъ и страннопріимства—мало; для этого надобно еще уклоненіе отъ зла и дѣйствительное, радостное расположеніе къ дѣланію добра: надо быть страннопріимнымъ, по заповѣди Учителя учителей, и щедрымъ вообще къ бѣднымъ; а въ особенности необходима для этого любовь. Выходя изъ мысли св. ап. Павла о любви (1 Кор. XV, 7), бл. Августинъ разсуждаетъ, что и „раздача имѣній на бѣдныхъ, если она не вытекаетъ изъ корня любви, не простирается на Бога (содержаніе третьей главы первой книги).

Любовь къ Богу и ближнимъ—это два крыла, которыми взлетаетъ человѣкъ на небо, переселяется къ святымъ, вмѣщается между ангелами. Она должна быть безгранична: любить необходимо всѣмъ сердцемъ, всею душою, всѣми силами. „Пусть

возлюбить Бога глазъ твой, уста твои, рука твоя, нога твоя, всякое чувство твое, все, что, ни есть ты; сколько ни есть въ тебѣ любви, люби всецѣло Бога,—вотъ буквальные слова блаженнаго Августина объ органахъ, которыми должна высказываться любовь къ Богу. Явнымъ доказательствомъ со стороны человѣка любви къ Богу есть исполненіе Его заповѣдей, *добровольное* исполненіе Его дѣлъ: любить, что Богъ любитъ, съ пылкимъ желаніемъ предаваться тому, что дѣлаетъ Богъ; даже наказаніе, посылаемое Богомъ, должно любить потому что, говоритъ блаж. Августинъ, „кого любить Господь, того и наказуетъ“. „Наказанія Божія не презирай“, говоритъ блаж. Августинъ своему внуку, „но подвергнутый бичу, скажи: слава Богу. „Виды любви должны выражаться въ томъ, чтобы „любить порицающаго, любить исправляющаго, любить изобличающаго не по ярости, не по гнѣву, но по милосердію“, чтобы „быть открытымъ для ударяющаго, преданнымъ зовущему, благодарить милосердствующаго“. И при всѣхъ этихъ проявленіяхъ любви отъ человѣка требуется должная степень самопознанія и богопознанія. „Углубись въ себя“, пишетъ блаженный Августинъ, „подумай немного, размысли о Богѣ, изслѣдуй, если можешь, и то, сколько милосердія заключается во всѣхъ Его дѣлахъ“. Особенно необходимо для человѣка размышленіе о слагодѣтельномъ Промыслѣ Божіемъ. „Онъ Богъ, Онъ и Судья, и не хочетъ, чтобы ты былъ осужденъ; хочетъ соболѣзновать тебѣ, ударяетъ, сожалья тебя, за то, въ чемъ ты предъ Нимъ упорно погрѣшилъ (Содержаніе четвертой главы первой книги)

Промыслительная дѣятельность Бога, въ особенности Его долготерпѣніе къ грѣхамъ людей могутъ иногда казаться, по законамъ человѣческаго ума, несправедливыми; но въ законахъ Ума Божественнаго такая дѣятельность вполне правильна, такъ что если-бы предположить противное, если-бы допустить, чтобы Богъ „не снисходилъ“ къ слабостямъ человѣческимъ, не терпѣлъ бы, не милосердствовалъ бы“, то Онъ „не былъ бы и Богомъ“; благость и долготерпѣніе составляютъ суще-

ственные свойства Бога, безъ которыхъ Онъ не существуетъ ни въ мысли, ни въ дѣйствительности (Содержаніе пятой главы первой книги).

Такъ какъ и физическая болѣзнь внука бл. Августина была довольно сильная и, такъ сказать, била въ глаза, то бл. Августинъ скоро обращаетъ вниманіе и на нее и старается выяснить своему внуку, какой взглядъ долженъ быть установленъ вообще на физическую болѣзнь. „Болѣзнь тѣла—духовное лекарство“, пишетъ бл. Августинъ, „полезнѣйшій даръ Бога. А потому никогда не слѣдуетъ „роптать“ противъ Бога,—этого „кротчайшаго и спокойнѣйшаго наставника, милостиваго въ самомъ наказаніи, Который никогда не гнѣвается; когда же бываетъ разгнѣванъ, вспоминаетъ о милосердіи“; напротивъ, слѣдуетъ постараться „тѣлесную тягость сдѣлать духовнымъ противодіемъ себѣ“. Прекраснымъ средствомъ для достиженія этого, кромѣ покорливаго отношенія къ промыслительнымъ судамъ Божиимъ, никогда „не ударяющимъ дважды на одно и то же мѣсто“, служитъ внимательное размышленіе „о кораблекрушеніи этой жизни и сравнительной выгодѣ краткой смерти“. Въ самомъ дѣлѣ, если вникнуть въ сущность человѣческой жизни, выходитъ, по выраженію бл. Августина, что „начало человѣческой жизни есть и начало всякихъ скорбей“ и что „хорошо жить въ настоящемъ никто не можетъ“. Аргументація блаженнаго Августина такова. „Даже и Апостоль, человѣкъ, высшій прочихъ людей, видя иной законъ въ членахъ своихъ, сражающійся съ закономъ ума (Рим. VII, 23), желаетъ разрѣшиться и со Христомъ быть (Фил. 1, 23). И мы знаемъ, что вся тварь стенаетъ и мучится (Рим. VIII, 22), доколѣ не освободится отъ рабства тлѣнія чрезъ Того, Кто покорилъ ее зъ надеждѣ. Затѣмъ, кто можетъ перечислить тягости настоящей жизни: голодъ, жажду, холодъ, жаръ, утомленіе? Онѣ безчисленны, но по привычкѣ къ нимъ, намъ свойственны. Пересказывать ли подробности то, что внутри насъ? Желать, любить, ненавидѣть, любодѣйствовать, прелюбодѣй-

ствовать, убивать, похищать, гибнаться,—развѣ все это не враждебныя намъ страсти? И между тѣмъ, кто праздниъ, кто свободенъ отъ всѣхъ ихъ? И кто, повинный въ столь многихъ и столь великихъ страстяхъ, будетъ свободенъ отъ грѣха? А кто, живя подъ грѣхомъ, живетъ хорошо? Инакъ, все говоритъ прогивъ настоящей жизни и за желаніе скорой смерти, какъ перехода въ жизнь вѣчную. Панегирикомъ смерти блаж. Августина и кончается свое разсужденіе о жизни міра сего (Содержаніе шестой главы первой книги).

Наконецъ, для вступленія въ вѣчную жизнь необходима молитва, образецъ которой бл. Августинъ приводитъ въ главѣ седьмой, которой и заключаетъ первую книгу своего сочиненія.

Дальнѣйшимъ предметомъ бесѣды во время посѣщенія своихъ прихожанъ для пастыря церкви можетъ быть, какъ показываетъ содержаніе второй книги того же сочиненія, утвержденіе вѣры, „крѣпкой и неизмѣнной“, въ воплощеніе Бога, сраданіе, воскресеніе и вознесеніе на небеса и будущее возсозданіе (обновленіе) человѣка (Содержаніе второй главы второй книги).

Хотя и одной этой вѣры достаточно для спасенія человѣка, однако, такъ какъ существуютъ еще и нѣкоторые видимые знаки, нѣкоторымъ образомъ возбуждающіе гѣру въ медлительныхъ, не будетъ лишнимъ говорить и о томъ, что „христіанская религія желаетъ соблюденія и этихъ виѣшнихъ знаковъ обнаруженія благочестія. Сюда относятся: прежде всего почитаніе креста Господня (какъ должно почитать крестъ Господень—разъясненіе этого составляетъ содержаніе третьей главы) и, затѣмъ, таинства. Изъ нихъ необходимы для больного: елеосвященіе, „какъ таинственное помазаніе св. Духа“; причащеніе, которое служитъ для больного „спасительнымъ напутствіемъ“ въ жизнь вѣчную, „дѣной искупленія, залогомъ Искупителя и искупленнаго“; исповѣдь или таинство покаянія. Изложеніе условій правильной исповѣди составляетъ, за небольшими исключеніями, (сюда нужно отнести шестую главу) дальнѣйшее содержаніе второй

книги сочиненія блаж. Августина „De visitatione infirmorum“.

Вотъ какую программу бесѣдъ намѣчаетъ блаж. Агустинъ пастырямъ во время посѣщенія ими своихъ прихожанъ. Здѣсь въ общихъ чертахъ заключается все христіанское вѣроученіе и нравоученіе. И нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что если пастырь Церкви будетъ руководствоваться подобною программой въ своихъ посѣщеніяхъ прихожанъ, то такія посѣщенія даже и съ перваго ихъ раза не будутъ для него, „землей неизвѣстной“, а прихожане „полемъ невоздѣланнымъ“, потому что высокій авторитетъ составителя такой программы и его „пастырская опытность“ въ дѣлѣ посѣщенія своихъ пасомыхъ ясно говорятъ и за достоинство самой программы.

Остается пожелать, чтобы пастыри Церкви не были безучастны и равнодушны къ взглядамъ блаженнаго Августина и чтобы разнообразныя его сочиненія явились въ свѣтъ и на языкѣ отечественномъ.

Александръ Яхонтовъ.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**